

Аннотация

Дело семьи Нейштадт широко освещалось в средствах массовой информации разных стран, в том числе и России. Для журнала «Адвокат» это дело представляет интерес не столько в связи с его международным резонансом, сколько в связи с тем, что его завершению способствовала триумфальная победа российских адвокатов и российского правосудия. Признание Московским городским судом решения английского суда по делу Нейштадт и его успешное исполнение стало первым в нашей стране случаем применения Гаагской конвенции 1996 г. Этот факт зафиксирован в решении Верховного Суда Англии и Уэльса, окончательно закрепившем возвращение похищенных отцом детей их матери. Немаловажно и то, что интересы матери и детей представляла давний друг журнала, московский адвокат **Марина Захарина**, известная своей успешной работой и в иностранных судах, и в Европейском суде по правам человека*. Самое же главное — в ходе исполнения судебных актов обнаружилось серьезные пробелы российского законодательства, которые препятствовали этому исполнению и потому должны быть ликвидированы.

Ключевые слова: дело «Нейштадт против Нейштадта»; похищение детей; удержание детей; жестокое обращение с детьми; международные конвенции о защите детей; исполнительное производство по изъятию детей; уголовная ответственность за похищение детей.

«Дело Нейштадт в России закончено, но его уроки требуют осмысления и тщательного анализа»

Предыстория

Главные действующие лица этой жизненной драмы, ставшей предметом рассмотрения судов в Англии и России:

Рашель Нейштадт, урожденная Рашель Элизабет Рапп, гражданка США. До брака проживала в США, где получила университетское образование.

Илья Владимович Нейштадт родился в СССР, в несовершеннолетнем возрасте выехал с родителями в

Германию, с тех пор в России не проживал, имеет российское и немецкое гражданство.

Брак Рашель и Ильи Нейштадтов был зарегистрирован 15 декабря 2004 г. Сначала супруги поселились в Австрии, затем переехали в Швейцарию, где у них родились сыновья **Даниэль Якоб** (11 марта 2006 г.) и **Йонатан** (6 мая 2008 г.). В январе 2011 г. семья переехала на постоянное место жительства в Лондон, где вскоре родился младший сын — **Меир**. Все дети при рождении

* Шишкова А. Женское дело (дело Натальи Захаровой об опеке над дочерью) // Адвокат. 2001. № 3 (63); Иоффе М.Л., Захарина М.М. Советский солдат — герой-освободитель или военный преступник? Что скажет Европейский суд по правам человека? (дело «Кононов против Латвии») // Адвокат. 2007. № 7 (139).

нии получили американское гражданство, а Йонатан имеет также немецкое гражданство.

Нейштадт жестоко обращался с женой и сыновьями. После очередного избиения Рашель, забрав детей, ушла из дома и обратилась в суд (в гражданском порядке) с просьбой оградить ее и детей от семейного насилия и возбудила дело о расторжении брака.

31 марта 2011 г. Окружной суд района Виллесден Лондона вынес два судебных приказа. Первый — о запрете И. Нейштадту применять насилие или угрожать применением насилия, запугивать, преследовать и досаждать жене и детям. Вторым приказом суд определил, что дети должны проживать с матерью и установил для И. Нейштадта запреты: 1) забирать детей из-под надзора и контроля матери иначе как по предварительному письменному согласованию с ней или по приказу суда; 2) вывозить детей с территории, находящейся под юрисдикцией суда Великобритании.

И. Нейштадт не обжаловал эти приказы, но обратился в тот же суд со встречным иском. Результатом рассмотрения этого иска было несколько судебных приказов, постепенно расширяющих его права на встречи с детьми. Однако основным лицом, несущим родительскую ответственность и юридические обязанности в отношении детей оставалась Рашель Нейштадт. Место жительства детей также не изменилось — они должны были проживать с матерью.

В конце 2012 г. приказом Окружного суда района Виллесден Лондона был определен временный порядок участия отца в воспитании детей при условии, что он пройдет курс «управления гневом» у психотерапевта. Мальчики по-прежнему оставались проживать с матерью в Лондоне, и только она была вправе определять их место жительства. И. Нейштадт начал посещать психотерапевта, но назначенного ему курса полностью не прошел.

Очередное заседание суда по спору о детях с участием И. Нейштадта было назначено на 13 февраля 2013 г. Однако он в суд не явился, поскольку, как вскоре выяснилось, к этому моменту, обманным путем похитив двух старших сыновей, выехал вместе с ними в Россию. За неделю до назначенного заседания адвокаты И. Нейштадта письменно попросили суд об освобождении от участия в деле ввиду недобросовестного и незаконного поведения их клиента.

Похищение детей было совершено следующим образом. До начала зимних школьных каникул в декабре 2012 г. Илья попросил Рашель разрешить ему поехать в Россию со старшими мальчиками (младший был еще грудным младенцем) в кратковременный отпуск навестить родственников. Рашель согласилась при условии оформления письменного соглашения, в котором будут оговорены все детали поездки. Такое соглашение было составлено, одобрено судом и подписано сторонами: в нем указывались даты отбытия детей в Москву (25 декабря 2012 г.) и возвращения их в Лондон (7 января 2013 г.), номера авиарейсов, адрес и номер телефона родственников, где должны были гостить дети.

Для этой поездки в посольстве России в Лондоне Даниэлю Якобу и Йонатану было оформлено российское гражданство. Рашель дала на это согласие, поскольку Илье удалось ее убедить, что получать российские визы долго и очень дорого, гораздо удобнее оформить детям российские паспорта. Кроме того, он обещал подписать необходимые документы для получения нового американского паспорта Даниэля Якоба взамен старого с истекшим сроком действия при условии, что Рашель не будет препятствовать поездке детей к его родственникам на каникулы в Россию (впоследствии И. Нейштадт так и не подписал нужные для оформления паспорта документы).

Дети должны были возвратиться в Лондон 7 января 2013 г., но отец отказался вернуть их домой. Рашель срочно вылетела в Москву. Тогда она и представить себе не могла, что ей предстоит полтора года метаться между Москвой и Лондоном в отчаянной борьбе за детей, в которую будут вовлечены английские и российские адвокаты, суды, органы по защите прав детей обеих стран, судебные приставы и даже Интерпол.

Круги ада Рашель Нейштадт: Москва — Лондон — Москва

Как выяснилось впоследствии, похищение детей было тщательно спланировано. 25 декабря 2012 г. Нейштадт вывез детей в Россию, а затем тайно вернулся в Лондон. Он уволился с работы и расторг договор найма квартиры, купил себе по кредитным карточкам большое количе-

ство одежды и других вещей, задолжав банкам около 50 тыс. фунтов стерлингов, и отбыл в Москву.

После этого он известил жену, что не может вернуться в Англию, поскольку уволился с работы, и это лишает его права на легальный въезд с детьми в страну. О невозможности возвратиться в Англию из-за иммиграционных проблем Нейштадт сообщил и своим адвокатам. Рашель немедленно обратилась за разъяснениями к специалистам по иммиграционному законодательству и сотрудникам посольства Великобритании в Москве. После консультаций стало ясно, что отказ И. Нейштадта возвращаться с мальчиками в Великобританию не связан с его опасениями нарушить иммиграционное законодательство, а является частью спланированного похищения детей. Деятельную помощь в похищении оказала специально приехавшая из Германии для этой цели мать Ильи — **Ирина Могилевская**. Именно она была «душой предприятия» по похищению детей, вознамерившись заменить им мать.

Поскольку Нейштадт не явился на очередное заседание Окружного суда района Виллесден 13 февраля 2013 г., о котором был заблаговременно извещен, суд вынес приказ, прекращающий действие всех предыдущих приказов, разрешающих свидания отца с детьми, и передал дело по родовой подсудности в Верховный Суд Англии и Уэльса. Рашель Нейштадт в этом процессе представляла солидная адвокатская фирма «Досон Корнвелл Солиситорз» («Dawson Cornwell Solicitors») под руководством известного специалиста в области международного семейного права, партнера «Досон Корнвелл Солиситорз», офицера Ордена Британской империи Анны-Мари Хатчинсон¹.

Добровольно выполнить этот приказ Нейштадт не пожелал. Поэтому в феврале 2013 г., оставив маленького Меира в Лондоне (по понятным причинам она опасалась брать его с собой), Рашель приехала в Москву, надеясь уговорить Илью вернуть ей детей. Все, чего ей с огромным трудом удалось добиться, — это единственное свидание с ними в присутствии И. Нейштадта и его матери И. Могилевской.

6 марта 2013 г. брак Нейштадтов был окончательно расторгнут судом. Но Рашель предстояло еще участвовать в процессе в Верховном суде Англии и Уэльса по делу об опеке над детьми.

Пять месяцев — с февраля по июнь 2013 г. — мать больше не имела свиданий с детьми и вынуждена была вести бесконечные переговоры с И. Нейштадтом. Все это время общение с мальчиками происходило только по Скайпу — редко и всегда в присутствии отца, который жестко контролировал сыновей во время этих контактов. Он объявил Рашель, что разрешит ей принимать участие в их воспитании только в том случае, если она переедет в Россию. Это условие было заведомо неприемлемым, поскольку лишило бы ее защиты британского правосудия и поставило в полную зависимость от воли Нейштадта.

Тем временем Рашель продолжала бороться за детей в Верховном суде Англии и Уэльса. Суд вынес несколько приказов, предписывающих И. Нейштадту вернуть детей матери в Лондон. В приказе от 4 июня 2013 г., в частности, было предусмотрено:

— дети Даниэль Якоб и Йонатан Нейштадты будут оставаться «под опекой», то есть под юрисдикцией этого суда до достижения ими совершеннолетия, если иное не будет установлено дальнейшим приказом того же суда;

— дети остаются под надзором и контролем матери;

— И. Нейштадт обязан до 20 июня 2013 г. вернуть детей в Англию и Уэльс — по месту их обычного проживания;

— И. Нейштадт до передачи детей матери обязан обеспечивать общение их с ней посредством Skype каждую среду, пятницу и воскресенье.

Понимая, что из зала Верховного суда ее борьба за возвращение детей должна переместиться в Россию, Рашель Нейштадт стала искать адвоката, который мог бы представлять ее интересы в российском суде. В мае 2013 г. ей посчастливилось найти такого адвоката в Москве — М.М. Захарину. Адвокат разъяснила, что с 1 июня 2013 г. в России вступает в силу Конвенция «О юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мерах по защите детей», подписанная в Гааге 19 октября 1996 г. (далее — Гагская Конвенция 1996 г.). Имея на руках акт английского суда, предписывающий И. Нейштадту вернуть детей в Великобританию, Рашель могла требовать принудительного исполнения этого акта в российском суде. Для обращения в Московский городской суд по-

¹ Офицер Ордена Британской империи — почетное звание, которым могут быть награждены гражданские лица.

требовалось перевести на русский язык большое количество документов, что заняло некоторое время, но было сделано в максимально сжатые сроки.

28 июня 2013 г. на основании Гаагской Конвенции 1996 г. адвокаты М.М. Захарина и Ю.А. Ларин подали в Московский городской суд ходатайство Рашель Нейштадт о признании и принудительном исполнении судебного приказа, вынесенного Верховным Судом Англии и Уэльса 4 июня 2013 г.

Считая, что каждый лишний день, проведенный с отцом, причиняет детям вред, адвокаты просили Мосгорсуд обратить свое определение к немедленному исполнению в порядке, предусмотренном ст. 212 ГПК РФ (по аналогии). В обоснование необходимости такой меры были представлены документы, подтверждающие, что задержка в исполнении судебного приказа опасна для детей: медицинские справки о физических повреждениях; письма специалиста по работе с детьми Органа поддержки еврейских женщин, специалиста Службы поддержки и консультации при судебном разбирательстве (Children and Family Court Advisory and Support Services — «CAFCASS Legal»), директора школы, которую посещали дети в Лондоне. Из заключений специалистов однозначно следовало, что дети неоднократно становились свидетелями физического насилия (побоев), которое учинял их отец над матерью, и сами подвергались физическим наказаниям с его стороны. Как особо тревожный был отмечен тот факт, что, страдая от такого поведения отца, мальчики, тем не менее, воспринимали его как проявление силы и образец для подражания. Так, специалист по работе с детьми Органа поддержки еврейских женщин указала в своем отчете: «Рашель сбежала от бытового насилия своего мужа и переехала ненадолго в наш приют {в Лондоне} до переезда в собственную квартиру вместе с детьми... Я видела, что Даниэль Якоб физически очень агрессивно обращался со своим братом. Он вспоминал инциденты, когда отец таскал его за волосы, а затем... начинал копировать поведение отца — тянуть за волосы своего брата и говорить о наказании, как делал его папа. Даниэль Якоб признался, что когда он делает больно брату или другим детям, это заставляет его чувствовать себя сильным, как папа».

Все специалисты пришли к выводу, что нахождение детей с отцом без контроля матери представляет для них не

только физическую опасность ввиду его склонности к агрессии и жестокому обращению, но и угрозу непоправимого вреда их психике, поскольку разлука с матерью и младшим братом делает их несчастными, а агрессивность отца формирует девиантные поведенческие установки. Кроме того, в письме отдела опеки по семейным делам Органа детской опеки (Лондон) отмечается: «у нас были опасения, что Нейштадт вывезет детей из России и их вообще не удастся найти».

Позже подтвердилось, что эти опасения не были беспочвенными. Удалось установить, что в феврале 2013 г. И. Нейштадт приезжал в Алматы с целью трудоустройства в Казахстанско-Британском техническом университете. Он принял предложение работать в этом учебном заведении и должен был приступить к работе с 1 августа 2013 г. Этот факт засвидетельствован официальной справкой КБТУ, переданной адвокатам Рашель Нейштадт по их запросу вместе со всей перепиской вуза с И. Нейштадтом относительно трудоустройства. Переезд в Алматы не состоялся в связи с возбуждением дела в Московском городском суде и наложением запрета на выезд детей из России, а также объявления их в розыск Интерполом.

11 сентября 2013 г. Московский городской суд под председательством федерального судьи **А.С. Лопаткиной**, применив Гаагскую Конвенцию 1996 г., ходатайство Рашель Нейштадт удовлетворил. Определением суда И. Нейштадту предписывалось незамедлительно вернуть Даниэля Якоба и Йонатана Нейштадтов их матери, Рашель Нейштадт.

Однако в части приведения определения Мосгорсуда к немедленному исполнению ходатайство было отклонено. В соответствии со ст. 212 ГПК РФ суд может любое решение обратиться к немедленному исполнению, т.е. до вступления его в законную силу. Адвокаты просили Мосгорсуд применить ст. 212 ГПК РФ по аналогии, что допускается ч. 4 ст. 1 ГПК РФ. Отклонение ходатайства в этой части означало, что дальнейшая процедура пойдет в обычном порядке: определение Мосгорсуда, если оно будет обжаловано, может быть исполнено только после его проверки и подтверждения апелляционной инстанцией. И. Нейштадт, разумеется, воспользовался такой возможностью: он обжаловал определение Мосгорсуда, что позволило ему выиграть время и спрятать детей.

Для Рашель начались новые испытания: искать детей и добиваться исполнения определения Мосгорсуда пришлось еще долгих семь месяцев. Об этом этапе борьбы за возвращение детей в интервью заместителю главного редактора **Юлии Ивановой** рассказывает адвокат Марина Захарина.

Адвокат Марина Захарина о деле Нейштадт

Марина Михайловна, какие юридические задачи стояли перед российскими адвокатами в этом деле?

— Передо мной и моим коллегой **Юрием Александровичем Лариным** стояла задача законным цивилизованным путем вернуть похищенных детей матери в Лондон, то есть в место их обычного проживания.

К моменту похищения Даниэля Якоба и Йонатана Нейштадтов в России уже действовала Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, подписанная в Гааге 25 октября 1980 г. Эта Конвенция призвана урегулировать на международном уровне конфликты, связанные с незаконным перемещением детей в другую страну. Россия присоединилась к этой конвенции в 2011 г., о чем много писали в прессе. Гагская конвенция 1980 г. известна российским юристам, однако в данном случае она не могла быть применена. Дело в том, что в соответствии со статьей 38 этой Конвенции одного присоединения к ней недостаточно: Конвенция имеет силу только в отношениях между присоединившимся государством (таким как Россия) и теми Договаривающимися государствами, которые заявят о своем признании присоединения. В отношениях между Россией и Великобританией такого заявления не последовало. Именно поэтому Илья Нейштадт считал себя неуязвимым для юстиции.

И вот с 1 июня 2013 г. вступил в силу другой, менее известный российским юристам международно-правовой документ: Конвенция «О юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мерах по защите детей», подписанная в Гааге 19 октября 1996 г. Решить нашу задачу мы могли только с помощью этой Конвенции.

Итак, необходимо было, во-первых, основываясь на положениях Гагской конвенции 1996 г., добиться согласия российского суда на принудительное исполнение в России судебного акта, вынесенного судом Великобритании, во-вторых, — исполнить этот судебный акт.

Похитив детей, Нейштадт прятал их и не шел на контакт с Рашель. Но контакты и переговоры все же были. Расскажите об этом.

— Да, он с самого начала выбрал наиболее болезненную для матери и детей тактику изоляции. Те немногие контакты, которые удалось осуществить (их было всего три), доставались с огромным трудом. Когда в феврале 2013 г. Рашель приехала в Москву, только по настоянию Главного раввина России удалось добиться, чтобы Нейштадт разрешил ей одну встречу с детьми в своей съемной двухкомнатной квартире. При встрече присутствовал он сам, его мать Ирина Могилевская и направленный для наблюдения сотрудник синагоги. Во время встречи Нейштадт контролировал каждое сказанное детьми слово. Все два часа, пока длилось это свидание, мальчики выглядели запуганными, сидели, прижавшись к матери, просили ее не уходить. Позже, в июне 2013 г. мы заблаговременно предупредили адвоката Ильи о приезде Рашель в Москву и предложили согласовать порядок ее встреч с детьми. В результате очень трудных многочасовых переговоров (на все предложения Нейштадт сначала отвечал отказом) удалось договориться о том, что Рашель будет встречаться с сыновьями ежедневно в течение трех дней до своего отъезда, но — так требовал Нейштадт — только в его присутствии. Две встречи должны были состояться в общественных местах — одна в Музее толерантности, другая в синагоге. Однако эти обещания не были выполнены. В Музее толерантности мать напрасно ждала детей пять часов: Нейштадт звонил ей каждые полчаса, говорил, что задерживается и вот-вот придет, просил подождать еще, но, в конце концов, детей так и не привел. На следующий день в синагоге дети также не появились. В результате Рашель удалось встретиться со своими сыновьями только один раз, в той же квартире под неусыпным надзором отца и Ирины Могилевской.

В июле 2013 г., когда Рашель приехала в Москву для участия в подготовке дела к судебному разбирательству, бывший муж вообще отказал ей во встрече с детьми. В

сентябре 2013 г. она один раз увидела сыновей исключительно благодаря телеканалу «Россия-24», снимавшему по просьбе Нейштадта передачу об этом деле. Мальчики не были предупреждены о том, что мама в Москве. Они шли с отцом по улице и вдруг увидели бегущую к ним Рашель. Маленький Йонатан так растерялся, что назвал ее бабушкой. Дети бросились к матери, но отец крепко держал их за руки. Даниэль Якоб сумел обнять ее правой рукой, а Йонатан — левой. Все это фиксировалось на камеру оператором телеканала и было затем показано по телевидению.

Даже поговорить с детьми по Skype Рашель могла далеко не всегда. Вместо предписанных английским судом трех раз в неделю в фиксированные дни Нейштадт соединял ее с сыновьями произвольно и нерегулярно: четыре-шесть раз в месяц. Он всегда присутствовал при таком общении, отвлекал детей от разговора, включая им мультфильмы или предлагая игрушки, дергал за руки и за волосы, если ему казалось, что сейчас они скажут что-нибудь «не то». Неудовлетворительное выполнение этого предписания суда отметила в своем отчете сотрудница английской социальной службы: контакты через Skype проходили нерегулярно, были краткими, и «демонстрируют ясную картину того, что Рашель добивается, часто часами, ответа на свой вызов, если вообще получает такой ответ». Вся эта информация получена из автоматических отчетов, остающихся на странице пользователя Skype, и зарегистрирована в деле, отмечены периоды без контактов: две недели в августе 2013 г., в сентябре и в октябре, когда Рашель не знала, где находятся ее дети.

С ноября 2013 г. Нейштадт исключил всякие контакты детей с Рашель, а затем и сам бесследно исчез.

То есть до вступления в силу определения Мосгорсуда Рашель с великим трудом, но удавалось общаться с детьми. Когда же определение вступило в законную силу, Нейштадт попросту саботировал его исполнение?

— Именно так. В конце ноября 2013 г., сразу после вступления в силу определения Московского городского суда, бывший муж пригласил Рашель в ту же квартиру на встречу с мальчиками. Она пришла в оговоренное время, но дверь ей никто не открыл. От консьержки Рашель узнала, что жильцы (Илья со своей матерью и двумя детьми) давно выехали.

Поскольку И. Нейштадт добровольно детей не вернул, 5 декабря 2013 г. Мещанским районным отделом службы судебных приставов УФССП по г. Москве было возбуждено исполнительное производство. Однако исполнение этого определения оказалось чрезвычайно трудным делом: И. Нейштадт с детьми скрылся в неизвестном направлении, все его телефоны были отключены, в синагоге, куда он прежде водил детей каждую субботу, они больше не появлялись. За неделю до слушания дела в апелляционной инстанции Даниэль Якоб перестал ходить в школу.

Илья и дети не имели в России регистрации по месту жительства, а только регистрацию по месту пребывания — сначала в съемной квартире, затем у родственников. Но по этим адресам ни он, ни дети не появлялись.

Как же их нашли? Прибегли к услугам частного детектива или адвокатам пришлось самим заниматься поисками?

— Наши многочисленные обращения в правоохранительные органы оказались бесполезными: полиция даже не пожелала объявить детей в розыск. Розыск детей, принятый судебным приставом-исполнителем, результатов не дал, так как для этого требовалось провести оперативно-розыскные мероприятия, на что у службы судебных приставов просто нет полномочий.

Рашель обратилась в газету «Московский комсомолец». Газета опубликовала заметку об этом деле и телефон для передачи любой информации, которая могла бы помочь в поиске детей. Были привлечены и частные детективы. Благодаря СМИ обнаружился след, который и привел к мальчикам.

Их удалось найти только в июне 2014 г. на очередной съемной квартире, где они содержались буквально в пыточных условиях. Дети неделями находились взаперти в четырех стенах под присмотром И. Могилевской, которая запрещала им даже подходить к окнам. Мальчикам внушали, что мама состоит в бандитской шайке и охотится за ними, чтобы сдать в детский дом в Лондоне. Изредка их выводили на улицу на короткие прогулки в сопровождении бабушки или отца и всегда поодиночке: гулять вместе братьям не разрешалось. Им даже дали другие имена и придумали «легенду», которую нужно было излагать, если посторонние что-нибудь спросят об их жизни.

Просто чудовищно! Даже представить страшно, какой хаос был в детских головах, и какой стресс они испытывали по милости «любящих» отца и бабушки! И так, через полгода поисков местонахождение детей все же удалось обнаружить. А дальше? В предварительной беседе Вы упоминали, что препятствие состояло в том, как изъять детей из чужой квартиры, поскольку здесь возникла проблема неприкосновенности частной собственности третьих лиц, т.е. собственника этой самой квартиры. Как была решена эта проблема в данном случае?

— Поскольку И. Могилевская — бабушка мальчиков — не открывала дверь квартиры, где они находились, судебный пристав-исполнитель обратился в суд за разрешением на вскрытие двери. Суд такое разрешение дал.

26 июня 2014 г. дети были переданы матери.

Следует отметить блестящую работу Мещанского районного отдела судебных приставов УФССП России по г. Москве: судебного пристава-исполнителя **Зиновия Андреевича Котовского** и его начальника — заместителя руководителя этого отдела **Заура Омаровича Джандарова**. Все исполнительные действия, в том числе передача детей матери были выполнены безупречно, в точном соответствии с законом, очень аккуратно и максимально безболезненно для психики детей.

Что было после того, когда детей наконец вернули матери? Я имею в виду, выполнялись ли еще какие-то завершающие исполнительное производство процедуры, требовавшие ее личного участия, или же она сразу смогла уехать в Лондон?

— Нет. Рашель не смогла сразу же уехать с детьми в Лондон: в аэропорту сотрудники пограничной службы Российской Федерации сняли мальчиков с рейса. Оказалось, что 27 июня 2014 г. И. Нейштадт повторно подал пограничникам заявление о запрете на выезд детей из России (такое же заявление он уже подавал ранее — сразу после похищения детей).

Запрет на выезд детей мы обжаловали в порядке подчиненности, и жалоба была удовлетворена.

7 июля 2014 г. Даниэль Якоб и Йонатан вместе с матерью благополучно вернулись в Великобританию, к юрисдикции которой, согласно международному семейному праву, относится вопрос о порядке их воспитания.

Решением Верховного суда Англии и Уэльса, которое мы публикуем в завершение, отмечены все претензии и оправдания И.В. Нейштадта в связи с описанным здесь делом. Возникает два вопроса. Первый: почему это решение принято спустя еще шесть месяцев — 19 декабря 2014 г.? И второй, более важный вопрос: в этом судебном решении (п. 124, 125) сказано, что «каким бы пагубным не было поведение отца, для детей он является важной фигурой» и сторонам предложено «представить документы в обоснование своих позиций для дальнейшего судебного разбирательства». Неужели после всего, что он учинил, Нейштадт не будет, говоря знакомым нам языком, лишен родительских прав и привлечен к ответственности за похищение детей?

— Вернувшись в Лондон, Рашель подала иск к бывшему мужу и его матери по вопросу о похищении детей. Суд посчитал необходимым личное участие ответчика в судебном заседании. Поскольку Нейштадт в суд не являлся, рассмотрение дела несколько раз откладывалось. В конце концов, ему позволили участвовать в рассмотрении дела дистанционно, путем использования видеоконференц-связи.

Вопрос об участии отца в воспитании детей будет рассмотрен судом в ближайшее время. Однако приезд И. Нейштадта в Великобританию для участия в воспитании сыновей проблематичен, так как обстоятельства, при которых он, используя кредитные карты, задолжал английским банкам, могут повлечь для него обвинение в уголовном правонарушении. Кроме того, вопрос о похищении детей также не закрыт: в Великобритании, в отличие от России, где ст. 126 Уголовного кодекса неприменима в отношении родителей, такие действия являются уголовно наказуемыми.

В настоящее время И.В. Нейштадт продолжает числиться в базе Интерпола, что позволяет отслеживать его передвижения.

Марина Михайловна, позвольте последний и самый главный вопрос. Хотелось бы услышать Ваше профессиональное мнение об уроках этого дела. Великой удачей для Рашель Нейштадт и событием огромной важности для всех, кто может оказаться в ее положении, стало вступление в силу для России Гаагской Конвенции 1996 г. Однако для успешного применения

норм этой Конвенции потребовались невероятные усилия и очень много времени. Как Вы думаете, что необходимо изменить в нашем законодательстве, чтобы трудов и времени тратить меньше, а результат получать легче и быстрее? Может быть, нужны изменения в Закон о полиции, обязывающие ее работать по таким делам, изменения в Закон о судебных приставах, дающие им специальные полномочия, что-то еще?

— Вы правы. Недостатки российского законодательства позволяют таким лицам как И. Нейштадт безнаказанно уклоняться от исполнения судебных решений, прятать детей, изолировать их от другого родителя, причиняя ему страдания и калеча детскую психику. Во многих странах существует уголовная ответственность за подобные действия. Думаю, было бы правильным и в России ввести уголовную ответственность за неисполнение решения (определения) суда о передаче ребенка другому родителю. Это не значит, что родителей-должников обязательно следует лишать свободы (наш Уголовный кодекс и так излишне «кровожаден»). Санкция за такое правонарушение не должна быть суровой. Однако необходимость возбудить уголовное дело по заявлению родителя-взыскателя вынудит правоохранительные органы объявить спрятанного родителем-должником ребенка во всероссийский розыск. По делу Нейштадт полиция категорически отказалась искать детей, ссылаясь именно на то, что действия отца не являются уголовно наказуемыми.

Есть пробелы и в процессуальном законодательстве. Например, не урегулированы сроки рассмотрения дел, связанных с применением Гаагской Конвенции 1996 г. В ходе исполнительного производства обнаружился и такой дефект: на основании определения суда судебный пристав-исполнитель вправе вскрывать помещения, принадлежащие третьим лицам, однако процедуру, которую при этом должен применить суд, законодатель не предусмотрел. По делу Нейштадт суд, разрешая судебному приставу-исполнителю вскрыть квартиру, в которой прятали детей, сослался на ст. 224 и 225 ГПК РФ, применив их по аналогии со ссылкой на ст. 1 ГПК РФ. Думаю, было бы правильным законодательно урегулировать порядок и сроки рассмотрения судом заявления судебного пристава-исполнителя о вскрытии принадлежащего постороннему лицу (не родителю-должнику) помещения, в котором находятся разыскиваемые дети. Как видим, дело Нейштадт в России закончено, но его уроки требуют осмысления и тщательного анализа.

Марина Михайловна, благодарю Вас за содержательную беседу и от души поздравляю с победой в этом деле, которое, я уверена, уже стало важной вехой в международной борьбе с похищениями детей. О том, как оценил Верховный суд в Лондоне этот прецедент, работу российских юристов, суда и гражданских властей, пусть скажет сам Верховный (Высокий) суд в приведенном ниже решении по делу Нейштадт.

Финал

ОТДЕЛЕНИЕ ПО СЕМЕЙНЫМ ДЕЛАМ ВЫСОКОГО СУДА
[2014] EWHC 4307

Дело № FD13P00554
19 декабря 2014 г.

Под председательством: Дistinguished г-на Судьи Питера Джексона [Peter Jackson]
В помещении Королевского Суда

Между:

Истицей Рашель Элизабет Нейштадт
и 1^М Ответчиком Ильей Нейштадтом
и 2^М Ответчиком Ириной Могилевской

при участии Даниэля Якоба Нейштадта, Йонатана Нейштадта и Меира Нейштадта (представленных сотрудником органа опеки, г-жой Клер Брукс [Clare Brooks])

Эдвард Деверо [Edward Devereux] (по поручению «Досон Корнвелл Солисоторс»), представлял Рашель Нейштадт
Илья Нейштадт представлял себя
Мелани Кэрю [Melanie Carew] (от «CAFCASS Legal»²), представляла детей 28 октября от имени органа опеки

Даты слушания дела: 27 и 28 октября 2014 г.

Даты рассмотрения дела судом: 26 ноября и 19 декабря 2014 г.

² Children and Family Court Advisory and Support Services — Служба поддержки и консультации при судебном разбирательстве.

РЕШЕНИЕ СУДА³
Нейштадт против Нейштадта (Похищение несовершеннолетних)
Г-н Судья Питер Джексон:

Введение

1. Это слушание по расследованию обстоятельств, последовавших за похищением двух несовершеннолетних мальчиков, Даниэля Якоба (8 лет) и Йонатана (6 лет). Они были увезены в Россию их отцом, Ильей Нейштадтом, в день Рождества 2012 г. и возвращены их матери, Рашель Нейштадт, только 26 июня 2014 г. в результате напряженных усилий полномочных органов Англии и России. В настоящее время отец пытается возобновить контакт с обоими мальчиками, а также их младшим братом Меиром (2 года). Цель этого слушания — установить факты и определить искренность сожаления, выражаемого отцом.

2. По делу «Королева против Кайями»; «Королева против Соллимана» (2011 г.), Апелляционный суд Англии и Уэльса (отдел по уголовным делам), дело № 2871, в пункте 54, Апелляционный суд (лорд Главный судья, лорд судья МакФарлейн и судья Ройс) указал, что: «Похищение несовершеннолетних у любящих родителей является преступлением чудовищной жестокости в отношении как любящего родителя, так и ребенка или детей... оно лишает второго родителя счастья контакта с его или ее детьми и лишает детей контакта с любящим родителем...»

В пункте 2 Суд отметил:

«Похищение несовершеннолетнего, как и любое другое преступление, может принимать различные формы. Оно может заключаться в похищении несовершеннолетнего на несколько дней или даже на неделю или две, вслед за чем ребенок возвращается практически без вреда для него, и, что важнее, несмотря на испытанные во время разлуки тем родителем, с которым ребенок был разлучен, душевное страдание и беспокойство, без вреда для любящих отношений между родителем и ребенком. С другой стороны, случаются и такие преступления, как насильственный брак, который, в конечном счете, завершается фактически насилием; или случаи, подобные настоящему, когда несовершеннолетнего преднамеренно вывозят за границу и разлучают с одним из родителей на много лет, так что нормальные любящие отношения, которые должны существовать между ними, непоправимо прерываются».

3. Настоящее дело касается запланированного похищения, разлучившего двух мальчиков с их матерью и маленьким братом на 18 месяцев. Если бы не эффективное применение международного соглашения (Гаагской Конвенции 1996 г.) новым подписавшимся государством (Российской Федерацией), которое привело к тому, что мальчики были возвращены в Англию, такая разлука, очевидно, продолжалась бы бесконечно.

4. Это первый пример признания решения английского суда судами Российской Федерации. Это выдающийся пример важности международного сотрудничества для защиты отдельных детей и для удерживания потенциальных похитителей. В конце концов юридический процесс привел к поражению упорного похитителя, проявившего неуважение к решению судов в обеих юрисдикциях. Настоящий суд выражает свою глубокую признательность в отношении мер, принятых российскими судами и гражданскими властями, в конечном итоге обеспечивших возвращение детей матери целыми и невредимыми.

5. Это дело также демонстрирует важность профессионального мастерства и практического опыта юристов — специалистов в области международного семейного права. Группы юристов в Лондоне и Москве, представляющие мать, способствовали возвращению детей. Как часть этого процесса, английские юристы провели кропотливую работу по обнаружению и систематизации информации, в то время известной только отцу, которая теперь представлена ясно и доходчиво. Документы, представленные на этом слушании, дали детальный анализ похищения. В настоящем заключении я использую описания из этого материала; факты не оставляют практически никаких сомнений, а там, где на основании фактов необходимо сделать оспариваемые выводы, я делаю их, применяя стандарт «balance of probabilities»⁴.

[...]

Мои выводы

114. Эти трое несовершеннолетних постоянно проживали в Англии с января 2011 г. После того, как родители расстались, они приняли тщательно взвешенное решение о том, что дети будут жить с матерью и проводить время с отцом; это решение было утверждено судом.

115. Вывоз детей отцом являлся именно похищением, а не удержанием. Я отвергаю его показания о том, что он решил удержать детей только после того как они прибыли в Россию. Когда он забирал детей из Лондона, у него не было намерения вернуть их. Он планировал это в течение месяцев, внушая их матери ложное чувство безопасности, чтобы она согласилась на предложенную им поездку.

³ Приводится с сокращениями в форме, разрешенной Судом к публикации. Перевод с английского — Лилиан Хантер (Lilian Hunter).

⁴ Обычный для английского гражданского права стандарт «соотношения вероятностей» («balance of probabilities») противопоставляется стандарту доказывания «beyond reasonable doubt» («вне обоснованных сомнений»), применяемому в уголовном праве.

116. Характеризуя Даниэля Якоба и Йонатана как русских детей, отец заблуждается, потворствуя своим желаниям. Конечно, один из их родителей — русский, хотя даже он сам прожил большую часть своей жизни за рубежом. Но до декабря 2012 г., когда они достигли возраста 6,5 и 4,5 лет, мальчики всегда жили в Швейцарии и Англии. Они никогда не были в России, даже с визитом. Их русское наследие важно, но отец играл на нем только потому, что это было единственным козырем, которого не имела мать детей.

117. Успешно заполучив детей, отец приступил к укреплению своего положения, проведя ряд циничных интриг, применяя тактику проволочек и обмана, с чем, как он знал, мать не сможет бороться. Он соглашался разрешить ей принимать участие в жизни детей только в том случае, если она переедет в Россию, где будет под его контролем. Когда она отказалась от этого, ее доступ к детям был строго ограничен, а затем и вовсе прекращен. Поступая таким образом, отец рассчитывал на то, что его правовое положение в России будет в безопасности. Я прихожу к выводу, что он намеревался удерживать детей неограниченный срок, и его планы были сорваны только благодаря решительным действиям российских властей.

118. Отец заявляет, что на его действия оказали влияние советы российских юристов. Я не признаю, что он когда-либо искренне считал свое положение легитимным. Это человек, который следует совету, только если он его устраивает, и игнорирует его в противном случае. Он отказался подчиняться всем судебным приказам, а, будучи поставлен перед решениями российских судов, стал скрываться. Его объяснение этого (опасность со стороны неизвестных лиц) является фальшивым, но дети не могли этого знать. Детей заставили поверить, что их преследуют опасные бандиты, и среди них их мать. Серьезность этого измеряется не только длительным периодом их разлуки, созданной отцом, но также его готовностью полностью исключить мать из жизни детей. Это не только похищение несовершеннолетних, это жестокое обращение с детьми.

119. Одной из стратегий отца являлась политизация положения детей для достижения своих целей. Он обратился в российские средства массовой информации в попытке разжечь патриотические чувства своих соотечественников посредством преднамеренной лжи, он также постарался задержать возвращение детей, запретив их вывоз из России. Он добивался контроля над своими детьми всеми законными и незаконными способами, которые только мог придумать.

120. Эти события оказали серьезное влияние на детей и их мать. В течение полутора лет их жизнь была полностью нарушена. Мальчики были разлучены со своей матерью и братом. Их заставили вести неестественную и тайную жизнь, окружили ложью и отрезали от нормального существования. Понадобится много времени, пока они смогут осознать то, что с ними случилось.

121. На данном слушании отцу была предоставлена возможность показать свое раскаяние и способность понять чувства других. К сожалению, его показания, данные письменно и устно, его вопросы к матери, представленные им документы и его решение не являться на слушание лично показали слабое понимание того, какое влияние оказывают его поступки на других людей, включая его детей. Единственным человеком, к которому он действительно испытывал жалость, была, кажется, его мать. В свидетельских показаниях он предстает как педантичный, не заслуживающий доверия и лживый человек. Сталкиваясь с самыми очевидными систематически предъявляемыми ему фактами, его реакцией было исказить эти факты, увиливать, преуменьшать, смягчать их и вступать в полемику. Признаков настоящего раскаяния не было. Пока что его извинения являются не более чем средствами достижения цели, и мотивированы его невыгодным положением и провалом главного плана. Восприятие его характера матерью детей, приведенное выше в пункте 112, по моему мнению, обоснованно.

122. Впервые встретившись с этими родителями, человек, не знающий истории этой семьи, вероятно, совершит ошибку, увидев необыкновенную безмятежность и чувство собственного достоинства матери, и недооценит прошлые события; а также будет введен в заблуждение внешним видом отца, свидетельствующим об уме и учтивости, и преуменьшит будущий риск. Судя по постоянно демонстрируемой отцом жестокости поведения, имеется высокий риск дальнейших попыток раскола семьи или похищения детей.

123. Сговор между членами семьи отца увеличивает этот риск. Дядя детей мог бы оказать благотворное влияние, но вместо этого он предпочел поддерживать отца детей во всех отношениях. Поведение бабушки детей можно описать только как недостойное бабушки.

124. Следующая стадия этого судебного разбирательства касается будущего благосостояния детей. Каким бы пагубным не было поведение их отца, для детей он является важной фигурой. К сожалению, он настроен учить их тому, что два родителя им не нужны. Детям понадобится время, чтобы забыть этот урок.

125. Предлагаю сторонам представить документы в обоснование своих позиций для дальнейшего судебного разбирательства.

Постскриптум.

Относительно публикации текста решения (16 декабря после представления письменных отзывов)

126. Вышеприведенное судебное решение было объявлено сторонам 26 ноября с просьбой представить материалы по вопросу о возможности его публикации. Мать и орган опеки в лице CAF/CASS, представляющий интересы детей, поддерживают предложение о публикации с указанием имен. Отец не возражает против публикации при определенных обстоятельствах, но просит, чтобы рассмотрение этого вопроса было отложено до окончательного решения о порядке воспитания детей. Он утверждает, что существует высокая вероятность неблагоприятного воздействия публикации на справедливость судебного разбирательства и на благополучие детей, и что этот вопрос будет легче разрешить в конце судебного разбирательства.

127. Я соглашаюсь с доводами матери и органа опеки, что имеется общественный интерес в том, чтобы действительные обстоятельства этого дела стали общеизвестны по следующим основаниям:

в Англии и в России обеими сторонами широко публиковались сведения о событиях, связанных с этим делом. Общественности должны быть известны подлинные факты, особенно в связи с тем, что одна из сторон представляла прессе дезинформацию по делу.

Представляется, что это первый случай применения Гаагской конвенции 1996 г., демонстрирующий важность Конвенции, готовность и способность судов Российской Федерации ее применять, иллюстрирует результаты, которые могут быть достигнуты, когда юристы разных юрисдикций работают вместе.

(III) Знание результатов по этому делу может пободрить тех взрослых, у которых похитили детей, и заставить отказаться от своих планов потенциальных похитителей детей, особенно если последние знают, что их имена могут быть названы публично.

128. Как и орган опеки, я не считаю, что публикация повлечет для детей в настоящем или будущем какой-либо серьезный ущерб. Ранее состоявшиеся публикации, как представляется, не имели никакого неблагоприятного воздействия на них.

129. Понятно, что не следует публиковать решение без указания имен, так как личности членов семьи все равно будут очевидны.

130. Единственный оставшийся вопрос заключается в том, следует ли, как просит отец, отложить публикацию. Я согласен с тем, что, по общему правилу в некоторых ситуациях гласность может оказать давление на лиц, принимающих решения, или даже на суд, но в данном случае я не принимаю этот довод. Оценка состояния детей будет производиться опытными специалистами. Решение суда не будет зависеть от придания делу широкой известности. Британские СМИ сообщали об этом деле ответственно и, на мой взгляд, нет никаких оснований для отсрочки публикации. Напротив, в интересах семьи, чтобы ее история, завладев общественным вниманием, затем как можно скорее вышла из сферы публичности.

131. Соответственно, это решение может быть опубликовано в его нынешнем виде.

Контактная информация об авторах: *Захарина Марина Михайловна, адвокат коллегии МКА*

«ЮристАрх»; e-mail: mz@cha.ru;

Иванова Юлия Викторовна, заместитель главного редактора журнала «Адвокат», старший преподаватель факультета журналистики Института Массмедиа Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: laweco@aha.ru.